

УДК 141.3; 008

МЕТАФОРА ТРЕХ ЦАРСТВ ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ

Матюшкин Игорь Валерьевич

кандидат физико-математических наук
Московский институт электронной техники, Москва

Аннотация. В форме метафоры предлагается новая культурологическая концепция. Она является эклективным синтезом воззрений Ф. Ницше, З. Фрейда и Л. Мамфорда и вводится через трехчленную классификацию ценностных установок индивида. Форма концепции дается метафорой, связанной с периодом троецарствия истории Китая. Сущность концепции выражена пятью тезисами, описывающими три метафизических принципа (У – реальности, Шу – удовольствия, Вэй – бегства) и два независимых инстинкта (власти и подчинения). Используются также юнгианские представления о господствующей функции в сознании и подчиненной в подсознании. Дается художественное описание идеальных типов: мастерового, путаны и проповедника. Через цветовую RGB-модель иллюстрируются различные сферы человеческой деятельности. Автор настаивает на том, что его концепция не является сугубо психологической. Категория «счастье» формализуется как равенство внешней и внутренней пропорций У : Шу : Вэй. Затем на примерах жанра лит-РПГ и типах Интернет-сервисов анализируется проявление трех царств в киберпространстве. Обсуждается применение метафоры к вопросам о смерти религии и смерти науки.

Ключевые слова: философская система, ценности, культура, человек, общество, метафизика, Фрейд, Ницше, Мамфорд.

THE METAPHOR OF THREE KINGDOMS IN CULTURE SPHERE

Matyushkin Igor Valerievich

PhD

National Research University of Electronic Technology, Moscow

Abstract. In the shape of metaphor we propose a new conception that is better attributed to culture. It is electionem synthesis of the views of F. Nietzsche, S. Freud and L. Mumford. The conception is introduced through the tripartite classification of man's intention. Form of the concept is given a metaphor related to the three kingdoms period of Chinese history. The essence of the concept is expressed by the five theses that describe three metaphysical principles (Wu – reality, Shu – fun, Wei – escape) and two independent instincts (power and obedience). Also we use Jungian ideas about the primary function in consciousness and secondary one in the subconscious. An artistic depiction of ideal types – artisan, prostitute and preacher – is given. Using RGB color model various spheres of human activity are illustrated. The author insists that his concept is not purely psychological. Category "happiness" is formalized as the equality of internal and external Wu:Shu:Wei proportions. Then, on the examples of lit-RPG literary genre and the types of Internet services the manifestation of the three kingdoms in cyberspace has analyzed.

Keywords: philosophical system, values, culture, people, society, metaphysics, Freud, Nietzsche, Mumford.

Философия XIX в., выросшая из кантианства, подарила нам универсальную метафизическую систему Гегеля, претендующую на всеобщность. Последующие попытки оказались не столь удачны: Шопенгауэр толком и не написал свою систему волюнтаризма, Ницше просто не хватило времени «разобраться» с «волей к власти», а система Гуссерля предстала как учение о познании феноменов, но не как метафизика. В XX в. философия многообразна и мозаична, а философы избегали метафизики, сосредотачиваясь на частных вопросах. Есть, конечно, и редкие исключения – традиционалистская доктрина Рене Генона [1], слабо согласующаяся с современным естествознанием. Считающийся виднейшим философом XX в. Хайдеггер, как и все экзистенциалисты, делал акцент на человеческом бытии (вплоть до подмены исконного значения слова «бытие»). На наш взгляд, философия XXI в. должна вновь вернуться к универсализму системосоздания, но не в области метафизики, хотя и нет прямого запрета на это, а скорее области культурологии, тесно связанной с представлениями о человеческом бытии (и жизни). По-прежнему актуальны теоретические конструкции и схемы, пытающихся эту жизнь «схватить», проанализировать и понять её (в конце концов само системосоздание – одно из проявлений жизни). В данной статье мы представим эскизный вариант такой системы. Трудность, как и всегда, составляет семантика исходных понятий системы, устранение их нечеткости, поэтому мы прибегли к приему метафоры, связанной с эпохой Троецарствия древней истории Китая.

Согласно В.Л. Авербуху [2], «современный подход рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира... Сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода... Когда ученый открывает дотоле не известное явление, т.е. когда он создает новое понятие, он должен его назвать. Термин приобретает новое значение через посредство старого, которое за ним

сохраняется. Это и есть метафора». По И.А. Дмитриевой [3], «передающие метафоры можно рассматривать также как медиаторы между внутренней и внешней речью и как один из приемов, передающих фасцинацию: делая видимым событие мысли, они передают и сопровождающую ее рождение эмоцию. Смена научной парадигмы всегда сопровождается сменой ключевой метафоры... Две главные эпохи европейской мысли - Древний мир, включая Средневековье, и Новое время, начиная с Возрождения, – существовали благодаря двум главным метафорам: «печати, с оттиснутым на воске следом» и «сосуда и содержимого». Метафора, конечно, понятие более сложное и широкое, чем символ или знак.

В наш век информационных технологий, «клиповости» и «твиттерности» мышления, уже осознан тот факт, что Интернет и соцсети формируют нового человека, изменяют его природу (трансгуманизм, технологическая сингулярность [4]). Но, возможно, исследователи переоценивают эти феномены и недооценивают обратное влияние – киберпространство развивается не в последнюю очередь под влиянием импульсов и намерений, исходящих из глубин человеческого бытия. Поэтому вечный вопрос «что такое человек?» актуален и сейчас, какой бы банальностью ни казалась такая констатация. Можно конкретизировать вопрос: «Где находятся границы адаптивности психики (бытия) человека в век информационных технологий?», «Что в бытии человека независимо от технологических инноваций среды его обитания?». На эти вопросы мы попытаемся ответить в конце статьи.

РЕФЕРЕНТ МЕТАФОРЫ

В качестве неформального введения обратимся к событиям периода китайской истории, известного под названием Троецарствие [5]. В III-м веке н.э. Поднебесная распалась на три государства: Вэй, Шу и У. Существовавшая почти полвека империя Хань из-за борьбы придворных

группировок и восстания народных масс исчезла, чтобы на её обломках удачливые военачальники основали три царства, каждое из которых имело собственный жизненный уклад. По Л.Н. Гумилеву [6], «принципом царства Вэй были объявлены «Время и Небо», т.е. судьба. Фамилия Цао шла в ногу со временем, и время работало на нее. Цао Цао заявил, что «способности выше поведения», чем отверг конфуцианство.... Царство У... продолжало традиции Хань, предоставляя преимущества ученым конфуцианцам и наследственной бюрократии. Как всякая консервативная система, политика У была обречена. Принципом царство У провозгласило «Землю и Удобство», т.е. преимущество территории, прикрытой великой рекой Янцзы, до поры предохранявшей его от захвата... Царство Шу было наиболее интересным и замечательным явлением. Принцип его – «Человечность и Дружба» – не получил воплощения... В Чэнду, столице Шу, фактическая власть перешла к евнухам, и, пока храбрецы гибли на войне, страна и столица благоденствовали».

В конечном итоге царство Вэй силой захватило два других царства. Образовавшееся государство Цзинь была солдатской империей. По Гумилеву, «к концу III в. колоссальная потенция древнего Китая оказалась исчерпанной. Все энергичные люди за время Троецарствия проявили себя и погибли. Одни (в желтых платках) – за идею «великого спокойствия», другие – за красную империю Хань, третьи – из-за верности своему вождю, четвертые – ради собственной чести и славы в потомстве и т.д. После страшного катаклизма Китай в социальном аспекте представлял пепелище – скопление ничем не связанных людей. После переписи в середине II в. в империи было учтено около 50 млн чел., а в середине III в. - 7,5 млн чел.». Империя Цзинь оказалась недолговечной и вскоре пала под ударами варваров с севера.

Выйдем за пределы истории, вплетем элементы мифа и отождествим каждое из царств с господствующей там силой, в данном случае религиозной. Царство Вэй олицетворяло даосизм, У – конфуцианство, а

Шу – буддизм. Не только и не сколько частные амбиции военачальников, стремящихся к расширению влияния, сталкивали царства в кровопролитной борьбе, но также и инстинкт власти каждой безличной по сути религиозной силы. Пока эти силы увязывались воедино при династии Хань, народу и государству было безопасно. Но как только эти силы оказались разъединенными, то они вступали в трагическое непримиримое состязание. И даже когда одна из сил одержала победу, то эта победа оказалась равносильна поражению...

БАЗОВАЯ СЕМАНТИКА МЕТАФОРЫ. ИДЕАЛЬНЫЕ ТИПЫ

Для начала представим, как если бы мы пытались классифицировать [7] людей по психотипам и задали бы им вопрос: «*Чего ты хочешь?*» (вопрос Теней из киносаги «Вавилон-5», [8]). По ответам на этот аксиологический вопрос людей можно распределить на три типа («царства» в нашей терминологии):

- **Царство У.** «*Построить дом, посадить дерево и родить сына*». Иногда приводится более древний [9] вариант пословицы – «Человек должен сначала построить дом и посадить виноградник, а потом жениться» (Талмуд, «Сота», 44б). Общий смысл – сначала создай условия для жизни, а уж потом... В частном случае – добиться жизненного успеха, но скорее не в смысле общественного признания, а в смысле создания материальных ценностей. Неписанным кредо таких людей является прагматизм. Руководители, «крепкие хозяйственники» – они воистину любят созданными ими структуры (тут нет принципиальной разницы между организацией/фирмой, домом, собранным собственными руками автомобилем). *Символ – мастеровой.*
- **Царство Шу.** «*Если мы знаем, что обречены на смерть, почему же нам сейчас не пожить в свое удовольствие?*» (Петроний) [10]. Не

так важно, в чем состоит удовольствие – в еде, сексе, слушании музыки, доказательстве математических теорем, изяществе философского спора, – все это покрывается понятием гедонизма. Не так важна деятельность, важен её психофизиологический эффект. И именно его жажда мотивирует человека на неё, а не присоединенный к ней смысл или цель. Поскольку мораль часто ограничивает способы достижения удовольствия, то гедонисты в целом люди, слабо связанные моральными убеждениями. Поскольку наиболее интенсивное наслаждение достигается в сексуальной сфере, то: *символ – путана* (работающая по велению души, а не из-за денег).

- **Царство Вэй.** *«Воображение дано человеку, чтобы утешить его в том, чего у него нет».* Смысл жизни состоит в том, чтобы мечтать, воображать и свободно творить. Лучше меня царство характеризует первая строфа песни группы «Калинов мост» про Иерусалим, город не земной, а небесный:

Горе мое, / Пыль земная, пусти меня. / Небеса голубые, бездонные, смилуйтесь. / Как пропадал в ослепительных снах, / Великанил округами, / Пух целебный нагресил Иерусалим.

Чем-то людям недостаточно реальности, они начинают писать романы, сочинять музыку, выдумывать сказки, мифы, теории, концепции, воздушные замки, издавать философские сочинения, лишь бы подальше от практических дел. *Символ – пророк.*

Если бы меня ограничили одним наречием, то я бы предложил следующую подстановку: У = полезно, Шу = приятно, Вэй = правильно (рис. 1). Если бы мне предложили охарактеризовать каждую силу двумя-тремя словами по ассоциации, то я сказал бы: У – прагматизм, здравый смысл, цель, здоровье; Шу – дурман, бессмыслица, удовольствие, красота; Вэй – небеса, закон, общий смысл, воображение.

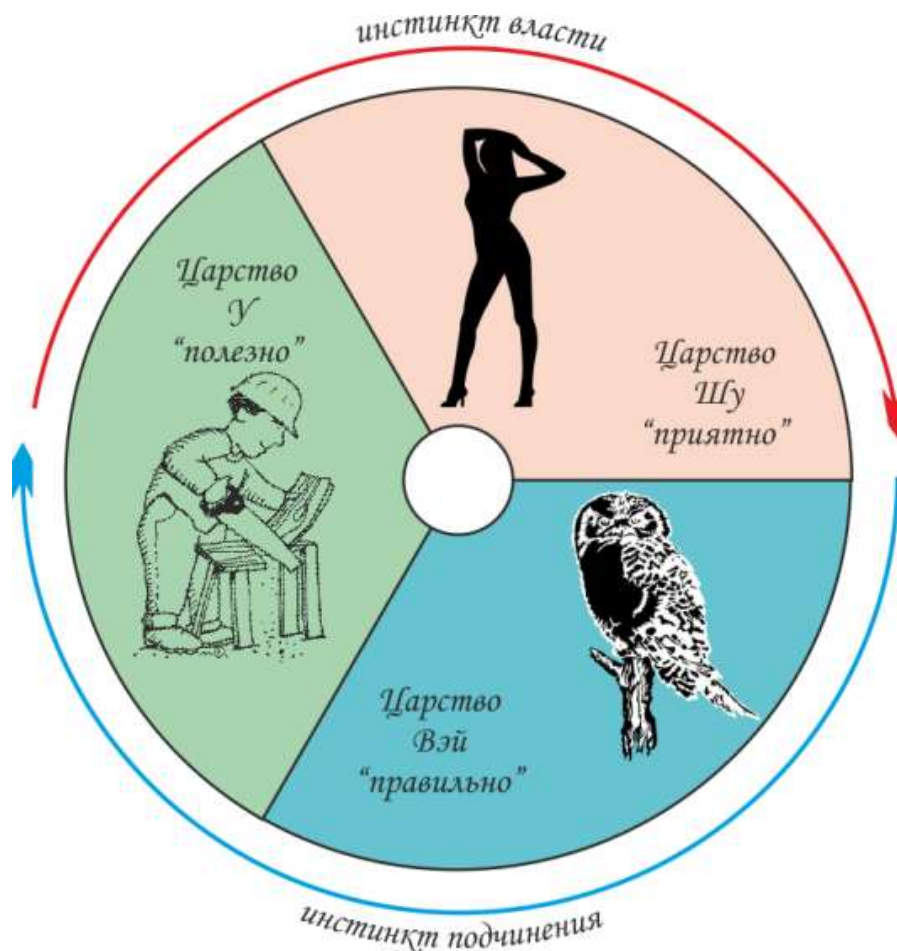
Для лучшего понимания читателем дадим художественное описание предельных случаев, идеальных типов каждого из Царств: хозяйственника У, путану Шу и проповедника Вэй.

Крепкий, как говорят, хозяйственник занят прежде всего укреплением материального благополучия (не суть важно, своего или общественного). Денно и ночью он работает, в ней его стихия, будь то бизнесмен или просто дачник, строящий пристройку. Смысл жизни для такого трудолика заключен в работе, он беспрестанно ищет, чем бы занять себя, не выдерживая ни минуты скуки, придумывает себе «неотложные» дела. Лицо его всегда поглощено думами о том, где бы раздобыть необходимые ресурсы, где найти кадры и прочими бытовыми вещами. В некотором смысле он образцовый семьянин, поскольку для измен жене у него просто не найдется времени (в конце концов он женат на работе). Театр, музыка и прочие гуманитарные вещи для него не существуют, а к людям, занятым этим ремеслом, он относится с плохо скрываемым пренебрежением. Никогда он не будет революционером, поскольку существующие обычаи ассоциируются у него с возможностью вести «хозяйственную» жизнь и считаться достойным членом общества. Разумеется, свершения на трудовом пути являются для него предметом гордости и до некоторого рода фетишом (успешно завершённый проект и соответственно прибыль как мерило успеха, построенный дом, собранный урожай, отремонтированная автомашинa).

Путана смотрит на людей не с точки зрения утилитарности, а глазами, полными эротизма, автоматически оценивая красоту стана. «Любовь» начертано на ее животе, поэтому и своих клиентов, какими бы жирными и старыми они ни были, она тоже любит. Они ведь дают ей возможность заниматься любимым делом. Поэтому, несмотря на явную животную поднаготную её чувства, путана весьма мила и манерна в разговоре и действительно по-христиански человеколюбива, ведь любой человек по внешним признакам есть предмет её интереса, и её непре-

одолимо тянет к ним. Эротизм и подлинное насилие, как легко сообразить из истории хиппи, есть вещи несовместимые. Путана органически неспособна к интенсивной работе, чрезмерно быстро уставая от неё, но всячески ищет комфорта и общения. «Серьезных» людей предыдущего типажа она рассматривает как источник средств, паразитируя на них, если есть возможность (для неё они представляются скучными, нудными и банальными, людьми без искр). Лицо путаны имеет особое выражение, как бы хищное, ищущее истомы и развлечений. Красота своего тела (в некоторых случаях и души) или интенсивность плотских утех являются для путаны самым главным делом жизни, а эксгибиционизм свойственен ей от природы. Путан, конечно, много среди людей искусства или фрилансеров.

Проповедник видит смысл своей жизни в причастности к божественности, чему-то тайному и сокровенному. Вся его деятельность подчинена стремлению сделать неизреченное вербальным. Мир делится на него на людей, отмеченных духом, людей, способных к постижению духа, но еще блуждающих во тьме, которых надо только направить, и людей, неспособных к усвоению духовных ценностей. Орудие проповедника – письменное или устное слово, поэтому этот тип распространен среди людей культуры. Собственные фантазии для него подчас более значимы, чем показания реальности. Фраза «я пастырь, а вы мои овцы» лучше всего подходит к его мироощущению, если его взор отрывается от небес. Дела мирские и хозяйственные чужды ему, а всякое сексуальное подлежит изгнанию как безусловно греховное и низменное. Лицо проповедника возвышенное, страдальчески плаксивое, выражающее экстаз именно ощущения своей покорности и смирения (не суть важно, перед подлинным Богом или деперсонализированными абстракциями вроде Закона). Возвышенность же есть не что иное, как бегство в сюрреальность, приковывающую своей таинственностью и неизреченностью.

**Рис. 1. Три царства и две силы в образе колеса.
«Выколотый» в центре круг выражает тезис «два из трех»**

РАЗВЕРТЫВАНИЕ БАЗОВОЙ МЕТАФОРЫ. ПЯТЬ ТЕЗИСОВ

Наша метафора эксплицирована не только на поле психологии, но и на пространство социума. При радикальном подходе речь идет о трех космологических формальных принципах-царствах. Хотя авторы считают такой метафизический взгляд скорее всего ошибочным, сформулируем **тезис № 1** в такой сильной форме:

Онтологически существуют ровно три принципа (царства), каждый из которых диктует/навязывает каждому человеку абсолютные ценности: царству Вэй соответствует Духовность, царству Шу – Сексуальность, а царству У – Утилитарность.

Рассмотрим, как это разделение людей преломляется в киберпространстве на примере блоггеров (а теперь уже и «влоггеров», т.е. публикующих видео на, как правило, пустяковые темы вроде «как я солил икру»). Какова гипотетическая мотивация блоггера? Автор может полагать всерьез, что его мысли что-то значат, формируют живую среду интеллектуального общения, и, следовательно, его деятельность подчинена высшим ценностям, т.е. «правильна» в духе царства Вэй. Другой автор своекорыстно преследует цель собственного коммерческого продвижения вплоть размещения рекламных ссылок в своем столь популярном блоге, т.е. это «полезно» и соответствует царству У. Третий автор просто испытывает тщеславное удовольствие и каждый вечер отводит пару часов, чтобы на клавиатуре набрать какой-то текст, смонтировать видео и т.п.; ему это «приятно», и он пленник царства Шу. Действительность, вероятно, сложнее и, как правило, присутствует смешанный мотив. Примечательна древняя цитата, приписываемая Пифагору (преобладание Вэй, но и признаки Шу): «Жизнь подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные – торговать, а самые счастливые – смотреть». Если читатель искренне занимается философией, то этот взгляд царства Вэй будет ему близок.

Сформулируем тезис № 2:

Царства находятся в жестком антагонизме и перманентной борьбе (за душу человека и его внимание), их ценности «перпендикулярны» друг другу. Однако эти царства принуждены к миру (Хань).

Несмотря на взаимный антагонизм этих трех мировоззрений, утрата в человеческом существе или обществе хотя бы одной из сил влечет неполноценность. У говорит о Шу: «Совершенно пустой человек, прожи-

гатель жизни, его интересуют только карты, вино и женщины; всякое дело сделает криво», Шу говорит об У: «Мазохист и садист, грубиян, лишенный всякой утонченности, меня не любит». Вэй говорит о Шу: «Грешник, гореть ему в аду, дитя, которое встало на путь порока, а вот если бы лет 5-10 назад взялся за ум, последовал моим советам...», Шу говорит о Вэй: «Да он от природы импотент, потому и стал таким сухим и мрачным; ей богу, вот я добровольно бы не ушел в монастырь». Вэй говорит об У: «К сожалению, он не дорос до истины, увлекся приземленными вещами, а не понимает, что главное – это душа и дух», У говорит о Вэй: «Бесполезный человек, занялся бы делом, а ведь общество кормит и поит таких, вместо всяких ученых занятий дров бы наколот».

Социально-экономическое бытие принуждает эти царства к миру. Технические устройства производятся в поте лица (и ума) людьми У. Человек общества потребления, раб Шу, широко шагает по пути достижения комфорта. Без его спроса предложение стало бесполезным. Для экономистов, конечно, истина прописная, но не лишним будет повторить, поскольку её часто пытаются облагородить, ведь если техника ради комфорта, то ради чего комфорт? В терминах Фрейда – принцип удовольствия ограничивается принципом реальности [11]. Однако мы ведь люди, а не животные, не так ли? Поэтому люди Вэй должны всячески прятать от нас поднаготную реальности. По крайней мере я точно знаю, что они очень любят сочинять сказки, иногда их называют мифами, иногда спекуляциями, иногда теориями, когда сочинитель искренне верит в «истину» (а значит является прагматиком, т.е. чувствителен к влиянию У).

Царства не только абстрактные сущности, но присутствуют непосредственно на Земле, если в обществе наблюдается большинство людей одного царства. Цикличность истории может трактоваться по изменению количества людей царств в одном государстве или в его правящем классе: идеологи Вэй задают вектор движения, в следующем поколении инженеры У реализуют накопление (и потом: лишь сохранение)

материальных богатств, а их дети из Шу приятно растрачивают нажитое, что порождает кризис (распад империи подобно Риму) и повторение цикла в пределах другого фундамента. Напомним, что в своих трудах Тойнби рассматривал религию как стрессовый элемент цивилизации (также см. библейскую притчу о семи праведниках и далее о пропорциях царств).

Очевидно, исходя из симметрии равноправия царств, равноправие и их ценностей. Сакральная сущность любой религии выражается в аксиологическом плане в тезисе об абсолюте Бога. Вследствие этого человеку царства Вэй, например, ценности царства Вэй (служение Богу или свобода) представляются изнутри этого царства абсолютными. *Это принципиальная ошибка оптики.* Трудно выйти за рамки собственного царства; лишь сменой царства постигается переоценка ценностей (здесь работает аналог теоремы Геделя). В царстве У неоспоримы семейные ценности, но и их значение лишено абсолюта. Из тезиса № 2 делаем **следствие № 1:**

Ценности каждого из царств не могут быть наивысшими, но они равноправны и дополняют друг друга. Всякая религия и всякий сциентизм, будучи абсолютизацией Вэй, ложны.

Пропасть между царствами еще больше, чем между людьми разным темпераментов или психотипов. Если в супружеской жизни различие психотипов может быть желательным (ввиду взаимодополняемости), то различие царств поставит на ней крест ввиду естественно развиваемого взаимного презрения и стены непонимания. С другой стороны, и в отношении царств справедлива цитата из К.Г. Юнга из Введения в «Психологические типы» [12]: «Суждения о собственной личности всегда чрезвычайно трудны. Затемнение суждений о себе встречается так часто потому, что каждому выраженному типу свойственна особая тенденция к

компенсации односторонности своего типа, – тенденция биологически целесообразная, ибо она вызвана стремлением поддержать психическое равновесие. Благодаря компенсации возникают вторичные характеры или типы, представляющие собой картину чрезвычайно загадочную ... тип, то есть привычная установка, в которой один механизм постоянно господствует, хотя и не будучи в состоянии полностью подавить другой, поскольку и этот другой механизм составляет безусловную принадлежность всего психического хозяйства. Поэтому никогда и не может быть чистого типа в том смысле, чтобы в нём правил исключительно один механизм при полной атрофии другого. Типическая установка есть не что иное, как относительный перевес одного механизма». По поводу отталкивания царств яркий пример демонстрирует любая религия, всячески принижая и уничтожая сексуальное (обет безбрачия у епископов) и материальное («кто служит маммоне...»); как ни парадоксально, реальная человечность шире вымышленной божественности.

Психоанализ открыл двухуровневую структуру личности. С учетом этого и, основываясь на некотором опыте наблюдения, выдвинем **тезис № 3** (чтобы не путать с законом логики исключенного третьего назовем его **тезисом двух из трех**):

Обычно у человека в сознании господствует одно царство, в подсознании – другое, а третьего не дано, т.е. его присутствие ничтожно.

Тезис имеет эмпирическое происхождение. Можно говорить о человеке царства У с прорывами Шу, о человеке царства Шу с прорывами Вэй, но человек с равнопредставленными царствами У, Шу, Вэй будет черно-серо-белым человеком. Полезна аналогия с RGB-разложением цвета (см. рис. 2), где психическая энергия (либидо) измеряется интенсивностью цвета.

Рис. 2. Палитра RGB. Цветовая визуализация пропорции царств с корреляцией по сферам человеческой деятельности (профессиям)

Несмотря на то, на рис. 2. представлена корреляция людей царств и профессий, но она далека от детерминизма: кажется, не могут быть в монастырях (царство Вэй) воры (царство У), но в газетной заметке сообщается об экономе монастыря, похитившего его казну. Тезис № 3 ограниченно применим к социуму, т.е. социальные институты типа церкви или типа публичных домов существуют почти во все времена, то никогда слабейшее из царств не исчезает полностью, цементируя тем самым единство Хань. В отношении проблемы счастья сформулируем еще один тезис, опираясь также и на мудрое изречение Гегеля: «Счастлив тот, кто устроил свое существование так, что оно соответствует особен-

ностям его характера». **Тезис № 4** напоминает обычное определение истины через соответствие:

Счастье есть соответствие внутренней пропорции царств и внешней пропорции, требуемой занимаемой ими в обществе нишей. Люди, как правило, не достигают максимума счастья, а иногда – и несчастливы, если эти пропорции сильно различаются. Формула счастья: $(Y:Шу:Вэй)_{внутр}=(Y:Шу:Вэй)_{внешн}$

Ввиду усиленного тезиса №3 вытекает пессимистическое – «Счастливых людей не существует». Т.к. «третьего не дано», то один из членов пропорции обращается в ноль, и формула счастья не удовлетворяется. Кроме того, к ней следует дописать дополнительное условие $(Y + Шу + Вэй)_{внутр} = (Y + Шу + Вэй)_{внешн}$, отвечающее за ограниченность либидо. Указанная ниша зачастую представляет собой профессию, выбранную отчасти сознательно, а отчасти не без требований нужды или случайности. Отметим некоторую параллель с формулой счастья в браке Отто Вейнингера: если X – женское, а Y – мужское начало (доли, т.е. $X_1 + Y_1 = 1$, $X_2 + Y_2 = 1$), то в идеальном союзе: $X_1 + X_2 = 1$, $Y_1 + Y_2 = 1$, где 1 и 2 – индексы супругов.

Мир мыслится нами не только как троецарствие, но и как место проявления двух противоположных сил (инстинктов): власти и подчинения. Первый инстинкт в качестве космологического принципа известен в философии, если не раньше (Эмпедокл), со времен Шопенгауэра (волю можно трактовать безотносительно к её содержанию как силу желания) и Ницше, у которого [13; 14] витальная сила (инстинкт самосохранения?) рассматривалась частным случаем воли к власти. Инстинкт власти универсален в смысле кросс-царственности, т.е. ярко проявляется в каждом из царств (примеры легко подбираются). Итак, **тезис № 5:**

Внутри каждого царства универсальны инстинкты власти и подчинения, часто воспроизводящие структуру иерархии. Эти инстинкты несводимы друг к другу, несмотря на кажущуюся амбивалентность.

Можно сказать, каждый тяготеет и повелевать, и подчиняться, но не одновременно. В силу этого, на наш взгляд, ошибочна позиция, когда подчинение рассматривается как весьма ослабленный инстинкт власти (и тогда, по данному мнению, властвует тот, у кого этот инстинкт сильнее). Оба инстинкта независимы; в конкретизации для царства Шу этот тезис переходит в гипотезу бисексуальной природы человека. С другой стороны, каждое царство, и даже в прямом смысле метафоры, жаждет расширяться, укреплять власть, но никак не терять территорию, ослабляться; и тогда инстинкт власти представляет более фундаментальным, чем инстинкт подчинения. Однако социальная структура распалась бы, если бы люди не научились подчиняться при всей силе природного инстинкта власти. Де факто инстинкт власти неизбежно рождает инстинкт подчинения, но обратное, как представляется, неверно (хотя во властной структуре оба компонента необходимы – вспомним даже «свита делает короля»). Соответствующая экспликация, хотя и отдаленная, в киберпространстве: торренты – сидер/личер, форум – создатель контента / читатель контента (или кто «лайкает»), вебприложения – сервер/клиент, программист/пользователь.

УТОЧНЯЮЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как антропологические, так культурно-социальные феномены в действительности более многообразны и богаче, чем предсказывает наша метафора-схема. Внешние признаки могут показывать успешность индивида в сфере одного царства, но внутренне он будет принадлежать

другому царству. Мы бы согрешили против истины, если бы поспешили каждого человека прописывать, как бы ставя штамп в паспорте, в одно из царств. В том и прелесть жизни, что в человеке можно наблюдать следы влияния трех этих сил.

Вот, например, рассмотрим казус Рахманинова. Великий композитор, что предполагает Шу по признаку Шу, был дворянского происхождения, рачительный хозяин, имение которого пропало в пожаре революции [15]. После эмиграции в Америку неоднократно помогал СССР материально (Вэй?), сумев подняться от статуса концертирующего пианиста до собственника виллы (У?). Типичные ставленники У редко обладают чувством гармонии и сентиментальностью, свойственной Шу. Участие в благотворительности и написанная «Всенощная» дают также повод заподозрить влияние Вэй. Композитор пишет: «Уехав из России, я потерял желание сочинять. Лишившись родины, я потерял самого себя...», что также говорит в пользу Вэй. И действительно, в Америке он не написал ничего стоящего. Необходимо проникнуть и сопережить биографию Рахманинова, чтобы понять, какая сила руководила им. Мелодизм и некая меланхоличность музыки Рахманинова отражает сложность борьбы царств внутри его личности.

Возьмем еще пример покойного Г.И. Марчука, академика и специалиста в области численных методов. Профессия говорит, как будто, в пользу человека Вэй. Но в одном из ТВ-репортажей он показывал корреспонденту обустроенность своей дачи, увлеченно говорил о своем успешном пчеловодстве. Несомненно, это человек царства У, что косвенно подтверждается успешностью его научной карьеры. По внешним критериям его современника, Колмогорова тоже можно было бы отнести к царству У (академик, неплохой директор института с выраженными административными навыками), но, очевидно, что масштабность результатов Колмогорова ставит его в ряды величайших математиков XXв. – и это человек Вэй, хотя и с прорывами У. Эти примеры не ставят своей целью «удаленный диагноз»,

а лишь показывают сложность реальных ситуаций. В некотором роде каждое царство имеет трансцендентальное основание, не подлежащее рассмотрению человеческому уму. Заслуживает отдельного рассмотрения вопрос о том, *как определяется принадлежность человека к царству, и какова в этом роль его сознательного выбора.*

Следует признать, что имеется определенное тяготение рассудка к У, чувства/эмоциональности к Шу, а интуиции/воображения к Вэй, однако, мы исходим из того, что все психические способности (по Юнгу или Ф.Бэкону) имеют представительство в каждом царстве, а классификаторный признак, поскольку троецарствие действительно может выполнять роль типологии, заключается в интенции. Например, воображение развито не только у людей Вэй, но и необходимо в составлении бизнес-планов человека У. Общительность людей Шу, как один из их характерных признаков, встречается и в других царствах. Склонность к экономии и оптимальности (царство У) эксплицируется в требовании «ничего лишнего» в сфере эстетики, пограничной между Шу и Вэй.

Каково основание, причина для экзистенции каждого из царств? Какова их генеалогия? Попытаемся подобрать «физикалистский» ответ без расплывчатой ссылки на трансцендентальные глубины (человеческого) бытия. Мы здесь не будем ни отрицать, ни высказывать метафизические варианты для нашей метафоры.

Происхождение царства У вполне очевидно, поскольку для своего выживания человек принужден к неприятным для него работам «в поле лица своего» – фрейдовский принцип реальности. Авторами ранних текстов книги Бытия Ветхого завета, как и любыми представителями Вэй, труд оценивался как проклятие (лишь позднее в протестантизме ему придадут положительный смысл). Это косвенное доказательство нашего тезиса об антагонизме царств. Во времена преобладания царства У при Гитлере на воротах немецкого концлагеря фашисты начертали «Die Arbeit macht frei». Парадоксы психологии приводят к существованию

трудооголиков, хотя, как утверждал Фрейд, человек ленив от природы. Вопросы о целях в жизни, следующие из утилитарности царства У, перерастают в вопрос о смысле жизни царства Вэй.

Происхождение царства Шу также очевидно следует из биологии и формализовано Фрейдом как принципа удовольствия. Человек рационализировал такую ситуацию тем, что удовольствие признал за высшую ценность. Такая рационализация часто происходит подсознательно. Часто животные инстинкты подводят, превышая меру, и те же греки не зря считали меру матерью гармонии. Судя по количеству людей и даже детей с ожирением, в настоящее время и при всем распространении (технической) рациональности человек не готов справиться с соблазнами благ цивилизации.

Происхождение царства Вэй более загадочно и неоднозначно. По моему мнению, следует самым внимательным образом осмыслить такие факты: «все дети любят сказки» (почему?), «фэнтези – это сказка для взрослых» (почему?). В некотором роде информационные технологии, удаляя человека от материального мира, и переоцененные киберпространства создают предпосылки для эскапизма человека из реального мира: либо искажая его взгляд на реальность (кино, серьезная литература и искусство), либо бросая его в выдуманные миры (приключенческая литература, компьютерные игры), либо в отвлеченное теоретизирование (прикрывается фиговым листочком потенциальной полезности, математика, философия), либо наделяя мифический мир высшим онтологическим статусом и обесценивая мир реальный (религия, утописты, революционеры/террористы). Можно выразиться так: царство Вэй возникло как реакция на царства У и Шу, когда людей не прельщает лишний труд, а от удовольствий ощущается насыщение (или возникает ментальная пустота). Дополнительным мотивом выступает «скука как безветрие души» (Ницше), когда высвободившее время от борьбы за выживание нужно чем-то заполнить при наличии избытка либидо.

Один и тот же антропологический или социокультурный феномен может иметь полипричинный генезис. Возьмем, например, игру в шахматы. Если мы рассматриваем шахматную партию как искусство, получая удовольствие от эффектных жертв фигур или неспешного позиционного давления (и притом не важно, своя или чужая эта партия), а удовольствие (можно назвать его интеллектуальным) от соответствующего созерцания для нас вторично, то эта точка зрения Шу. Если же нам важно ощутить азарт борьбы, «мы в огне» и любим «обкуривать соперника дешевыми сигарами» (Э. Ласкер), и шахматы есть способ получить такое удовольствие, то это также точка зрения Шу. Если же мы играем в шахматы, чтобы тренировать свой мозг из общих соображений, то это точка зрения Вэй. Если мы играем в шахматы, поскольку мы получаем за это плату, и наша профессия/звание – мастер спорта или гроссмейстер, то эта точка зрения У. В реальности, кажется, имеет место смешение мотивов как зрителей/потребителей, так и самих игроков.

Предлагаемая концепция в форме метафоры может использоваться как упорядочивающая схема для антропологических и социально-экономических феноменов. Как нетрудно заметить, она является синтезом концепции Фрейда (принципы удовольствия и реальности), выводя её с психологического на более абстрактные уровни, воззрений Ницше (инстинкт власти) и культурно-социологических работ Льюиса Мамфорда [16] и Йохана Хейзинги (игра). Что касается пресловутого «стремления к смерти» у Фрейда, то для нашей концепции оно излишнее.

МАНИФЕСТАЦИИ ТРОЕЦАРСТВИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Начнем с того, термина «информационные технологии» нет, а есть лишь понятие на уровне нечетких ассоциаций. Кроме того, нужно различать создание информационного контента, его доставку и потребление

(включая её технические особенности – например, для борьбы с пиратством принципиально важно, что одновременно со скачиванием какого-то фильма «для личного пользования» неизбежна его незаконная раздача). Интернет является одним из главных изобретением века, важнее, чем атомная бомба. Поэтому информационные технологии – это прежде всего Интернет и все с ним связанное. Каковы же проявления каждого царства в этой сфере?

Само происхождение Интернета имело прагматический смысл (царство У), косвенно связанный с задачей распределенного управления ядерным оружием, если бы противник уничтожил единственный центр управления в условном Пентагоне. Затем эта задача трансформировалась в задачу обеспечения среды общения, начиная с коллективного использования библиотек, между крупными университетами США. Позднее, вплоть до протокола WWW и HTML в конце 80-х гг., Интернет решал в основном задачи файлового обмена. Затем появились разные доски объявлений, и дальнейшее развитие диктовало царство Шу: сайты, форумы, блоги, твиттеры, социальные сети типа «Вконтакте» (с уходом её создателей потерявшую своё своеобразие) и, наконец, чаты и мессенджеры. Такое многообразие форм породил инстинкт общения, метко причисленный одной ТВ-передачей к числу основных. Разговоры бабушек на лавочке сменили аськи. Глубинная потребность человека в общении (в прежние время: часовые «болтушки-по-телефону»), наиболее ярко выраженная у людей Шу, явилась мощнейшим стимулом развития Интернет, легко коммерциализуемым через рекламные блоки. Сюда же относится трансформация компьютерных игр из монопользовательских в онлайн-многопользовательские, что было отрефлексовано культурой в виде литературного жанра лит-РПГ [17].

Интернет упростил путь выдумки от автора читателю, сделав по существу издательства и сами бумажные книги пережитком прошлого. В игру включилось царство Вэй. «Матрица», «виртуальные реальности»,

полуреальное киберпространство, как оказалось, ставят даже этические проблемы. Одна из тем, популярных в современном лит-РПГ, касается правомерности убийства и страданий неписей (неигровых персонажей), а другая – менее развернутая – потенциального бессмертия или числа жизней игровых персонажей. Обе темы имели предшественников: 1) после открытия Нового света встал вопрос, являются ли индейцы или негры людьми, и нужно ли проповедовать среди них Евангелие; 2) старая концепция цикла перерождений и кармы, получившая теперь технический антураж в виде точек возрождений, растворении тел и памятных обелисков и потерю очков опыта. Фантазии людей древности, вплоть до Нового времени, о деталях проживания в раю, чистилище и аде, получили продолжение, и даже как бы статус технологической осуществимости, в идеях переселения в киберпространство некой Игры, где нет боли, где физические законы анахроничны и подменены «законами игровой механики», а Бог заменен на высший управляющий интеллект, лишенный эмоций и неумолимо соблюдающий прописанные правила Игры, а также рассылающий разные «системные сообщения». Все это хорошо известная в истории традиция эскапизма: данный мир нас не удовлетворяет, и если бы технически существовала возможность его покинуть, то мы бы с радостью убежали в вымышленный лучший мир, где нет боли, страданий и смерти. Место Рая занял некий мир Игры, и если религия умалчивает, чем же заняты люди в Раю (воспеванием хоралов?), то здесь предлагается опция вечной игры и роста уровней (с возможностью пересоздания персонажа и его расы). Вот здесь и развернулось царство Вэй!

Нельзя обойти внимание тематику криптовалют и интернет-магазинов, где уже отыгрывается царство У. Интернет же должен приносить пользу? Вот вам, пожалуйста, сервис Али-экспресс. Интернет же должен приносить удовольствие? Вот вам, пожалуйста, зайдите к «френду» и лайкните их последнюю фотку в Инстаграмм. Интернет должен

возвышать людей? Вот вам, пожалуйста, выложенная на youtube видеозапись профессора духовной семинарии Осипова. Итак, в этой «глобальной помойке» есть многое, что «полезно», «приятно» и «правильно». В ней также найдется вредное, неприятное и извращенное. На мой взгляд, Интернет и высокие технологии есть лишь средство, и наша жизнь протекает все-таки не в нем, а в реальном материально-вещном пространстве, где многое расходится с нашими желаниями. Интернет весьма близок к царствам Шу и Вэй, люди царства У менее всего подвержены его влиянию, но даже им все-таки следует напоминать, что жизнь человека происходит в вещном мире, а не в переоцененном мире информации и информационных игр, например, всемогущей государственной Мегамашины с нами, легко внушаемыми избирателями.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ВОПРОСАМ О СМЕРТИ РЕЛИГИИ И СМЕРТИ НАУКИ

В последнее время все чаще исследователи, прежде всего футурологи, задаются вопросами о смерти религии, обусловленным процессами секуляризации, и смерти науки, порожденным «чрезмерной успешностью» самой науки. Мы, конечно, не ставим целью решить эти вопросы, в том числе с помощью предложенной метафоры, тем более в рамках одной статьи. Однако мы позволим себе высказать ряд соображений, чтобы продемонстрировать плодотворность метафоры как культурологического конструкта.

Область религии отнесена к ядру царства Вэй, сущностью которого постулируется неотъемлемая, эссенциальная характеристика человека как человека играющего и обладающего воображением. Анализ любого социального института невозможен без учета человеческого фактора, а точнее, вариаций природы человека. Обратим в этой связи на расцвет в XXв. фантастическо-фэнтезийной, а ранее приключенческой, литературы, неизменно находящей своего потребителя. Религия же может быть

определена как сказка/миф, наделенный признаком существования через механизм веры. Если естественно-научные открытия сужают ту область, где миф может сосуществовать без противоречия с ними, то миф, точнее его герменевтические истолкования, циркулирующие в данном культурном пространстве, может мимикрировать и видоизменяться, подстраиваясь под наши нужды, хотя и не без затруднений с жестким ядром сакральных текстов. К счастью или нет, но догмат существования Бога принципиально неопровержим и недоказуем со стороны научного знания. Всегда найдутся люди, впадающие в иллюзию онтологизации некоторой фантастической мирообъясняющей конструкции. Поэтому десакрализация последних двух столетий – в некотором смысле противостественный процесс, срывающей призрачно-волшебный покров с наготы естества мира. Именно миф нужен скрывать и примирения с этой наготой. Свобода творчества (особенно в истолкованиях базового мифа или традиционных образов), полет фантазии, неизбывная жажда чудес (и потому нельзя считать сводимыми религиозные требования к морализаторству) – это одна сторона Вэй и религии, а другая сторона носит двойственный характер – это одновременно и первоначальное бегство от этой «постылой» реальности (отшельничество), и приближение к ней через проповедничество. Таким образом, слухи о смерти религии сильно преувеличены, поскольку неуничтожима потребность в сказках и неуничтожимо царство Вэй. Разумеется, формы религии могут претерпевать радикальные изменения вплоть до уничтожения церквей и храмов. Однако и последнее представляется сомнительным, поскольку вера в «тот» мир как в «этот» будет требовать внешних проявлений, пусть и символических по сути.

Если рассматривать науку как социальный институт, то она жива, пока есть люди, увлеченные ей, - в противном случае она в лучшем случае будет мумифицирована существующей культурной традицией, откуда рукой подать до уже фактической смерти при малейшей пертурбации.

В настоящее время мы наблюдаем внешние признаки утраты наукой подлинного смысла: гонятся за научными степенями, «диссертабельностью темы»; проводимые конференции все чаще напоминают имитацию действия людьми, съехавшимися в туристически привлекательный район; плодятся чрезмерно деспециализированные платные журналы с низким уровнем рецензирования и т.д.

Наука, а точнее – естествознание, рассматривается нами как пограничный район между бассейнами притяжения царств Вэй и У, а, следовательно, как специфическая форма взаимодействия и синтеза этих установок. Разделение науки на теоретическую, т.е. куда перетекают люди Вэй, и экспериментальную, куда перетекают люди У, в этом смысле характерно, хотя, вероятно, чрезмерно схематично. Вполне возможно, что в будущем линия демаркации двух царств пройдет по-другому, «мимо» науки, и наука исчезнет. Либо произойдет разделение на две науки под одним названием: «математическое моделирование», слабо связанное с практикой и становящееся искусством (и перетекающем ближе к Шу), и «инженерию», вырождающуюся (с учетом интеллектуализацией техники) в контроль над «девайсами» и удовлетворяющую инстинкт власти. Таким образом, мы прогнозируем смерть нынешней науки путем разделения на две компоненты, тяготеющими – одна к Вэй/Шу (игра: теория-ради-теории), другая – к У (познание-ради-власти над кусочком искусственной, возможно, бионической реальности).

Можно, однако, сказать, что мы не учли мощный источник науки, заключающийся в любопытстве, вроде бы присущей человеку изначально способности. В нашей метафоре эта способность, кстати, как и способность разума, не вводится и считается инструментальной. Наши возражения: 1) не всем людям она свойственна настолько, чтобы преодолеть естественную леность и следование привычкам; 2) любопытство может иметь бытовую (сплетничество), а не научную направленность; 3) у ряда выдающихся людей могут быть сняты возражения 1 и 2, однако они бу-

дут одиночками, без объединения в социальный институт, причем традиционные структуры скорее всего будут препятствовать их «научной» деятельности. Способность к воображению и потребность в сказке имеют более высокий статус (царство Вэй; изобретательство же лежит на пересечении всех трех царств), чем любопытство. Поэтому смерть науки представляется возможным событием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье мы предложили новую метафору, обладающую достаточным универсализмом по отношению культурному пространству и вводимую с помощью трехчленной классификации ценностных императивов. Было бы ошибкой придавать ей сугубо внутриспсихологическое значение или чересчур его расширять до космологического, хотя такая интерпретация и не исключена. Наша метафора эклектично использует концепции Фрейда, Ницше и Мамфорда.

Хочется отметить, что сами философы иногда недооценивают собственную деятельность, не видят внешней опоры/оправдания для неё. Это связано не в последнюю с процессами десакрализации мира, секуляризации и тем объективным фактом, что частные науки лишили философию собственного предмета исследования: та, что раньше была госпожой, стала почти никому ненужной служанкой. В нашей метафоре трех царств наряду с религией и теологией ей отводится почетное место около трона в самодостаточном царстве Вэй. Также, исходя из оптики троецарствия, мы кратко рассмотрели феноменологию Интернет и киберпространства. Чтобы продемонстрировать фундаментальный характер метафоры, мы кратко рассмотрели проблемы смерти религии и смерти науки.

Список использованных источников

1. Рене Генон. Царство количества и знаменья времени. М.: Беловодье, 2003.
2. Авербух В.Л. К теории компьютерной визуализации // Вычислительные технологии. 2005. Т. 10. № 4. С. 21-51.
3. Дмитриева И.А. Метафора как способ познания: логико-гносеологический статус: автореф. ... канд. филол. наук. Якутск: 2000. 24 с.
4. Сингулярность. Образы «постчеловечества» / под ред. К. Фрумкина. М.: ТД Алгоритм, 2016. 320 с.
5. Гуаньчжун Ло. Троецарствие. М.: Художественная лит-ра, 1984. 792 с.
6. Гумилев Л.Н. Троецарствие в Китае // Доклады Отделений и комиссий Географического общества СССР. 1968. Вып. 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1002161>
7. Дневник пользователя. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://y-igrek.livejournal.com/6658.html>
8. Российский фан-клуб Вавилон-5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.babylon5.aha.ru>
9. Дневник пользователя. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.diary.ru/~kxena/p168658574.htm>
10. Афоризмы великих людей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wisdoms.ru/99.html>
11. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. 1992.
12. Юнг К.Г. Психологические типы. СПб.: Азбука, 2001.
13. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. 2005.
14. Ясперс К. Новое истолкование у Ницше (воля к власти) // Ницше Ф. Введение в понимание его философствования. 2003.
15. Бажанов Н. Рахманинов. М.: Молодая гвардия, 1962.

16. Мамфорд Л. Миф машины: техника и развитие человечества. М: Логос, 2004. 284 с.
17. Давыдов Д., Фишман Л. Будущее капитализма: от литРПГ к футурологии // Свободная мысль. 2015. № 3 (1651). С. 139-151.